

К. А. Пугачева

«Сценарий власти» и церемониальная культура Петергофа в эпоху Николая I

В статье анализируется традиция петергофских праздников в эпоху Николая I с точки зрения церемониальной культуры и идеи «сценариев власти», предложенной Р. Уортманом. Под «сценарием власти» понимаются «индивидуальные способы презентации императорского мифа». Лейтмотивами «сценария» Николая I становятся тема семьи и идея принятия трона против воли. В связи с этим важной сюжетной линией является разделение жизни на частную (семейную) и публичную (рабочую). Идеализация счастливого брака и нежных взаимоотношений родителей и детей сочетается с аскетизмом императорской работы и пышностью приличных для империи церемониалов. В статье анализируется топографическая привязка сюжетных линий «сценария власти» на примере Петергофа. Автор показывает, как топографически закрепляется эта идея: Александрия становится семейным очагом, частным миром, Нижний парк с Большим дворцом и фонтанами – официальной парадной зоной. Подчеркивается такая биполярность пространства «действиями», совершавшимися в Петергофской резиденции. Приводится основной порядок Петергофских празднований и церемониальные особенности некоторых из них. Сценарий власти реализовывался в двух типах «действ» – «больших» и «малых». Под «большими действиями» понимаются сами церемониалы с четко прописанным регламентом (большие выходы), под «малыми действиями» – так называемые «культурные перформансы» (семейные чаепития на глазах у публики).

Ключевые слова: придворная культура, церемониальная культура, ритуал, перформанс, репрезентация власти, сценарии власти.

К. А. Pugachiova

"The Scenario of Power" and the Ceremonial Culture of Peterhof in the Time of Nicholas I

This article presents the tradition of the Peterhof celebrations in the time of Nicholas I from the point of view of the ceremonial culture and the idea of "the scenario of power" offered by R. Wortman. "The scenario of power" is "individual ways of presentation of the imperial myth". The basis of "the scenario of power" becomes the family and the idea of not acceptance of the throne. In this regard the important subject line is differentiation between private (family) and official (work) life, idealization of happy marriage and gentle relationship of parents and children is combined with asceticism of imperial work and splendour of imperial ceremonials. This article presents the topographical binding of subject lines of "the scenario of power" on the example of Peterhof. The author shows how the main idea of "the scenario of power" of Nicholas I is consolidated topographically – Alexandria becomes a family center, a private world, the Lower park with the Grand Palace and fountains is an official center. This bipolarity of the area is emphasized by "actions" happened in the Peterhof residence. The basic scenario of Peterhof celebrations and ceremonial features of some of them is provided. The scenario of power was implemented into two types of "actions" – "big" and "small". The "big actions" are ceremonials with accurate regulations (big imperial exits), the "small actions" are so-called "cultural performances" (family tea drinking in the face of the public).

Keywords: court culture, ceremonial culture, ritual, performance, representation of power, scenarios of power.

Петергофу посвящено немало исследований, прежде всего, искусствоведческих, анализирующих художественные особенности памятника, или исторических, описывающих жизнь императорской семьи в Петергофе. Такие работы, как правило, проблему дворцовых церемониалов обходят стороной, потому что ритуальные формы

поведения ничего не добавляют памятнику, понимаемому как самоценный эстетический объект. Проблема исследования церемониалов и поведенческих протоколов в Петергофском пространстве может быть поставлена именно сейчас, поскольку сегодня по-новому видятся возможно-

сти исследования ритуальной и церемониальной культуры.

На сегодняшний день существует два подхода к изучению ритуала. В первом он связан с изучением мифа, с архаической культурой. Ритуал воспринимается как, прежде всего, воспроизведение, повторение, как неизменное, его смысл – в прошлом, в формировании мифологической картины мира. Другой связан с концепцией «перформативного поворота» – когда мир создается действием, событием, акцент делается не на неизменные элементы, а на «исполнение» ритуала (перфоманс), которое каждый раз уникально и дает возможность вкладывать актуальное содержание в канонические формы.

В перформативном ключе написана работа Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии». «Сценарий власти», по Уортману, – «это описание индивидуальных способов презентации императорского мифа» [11, с. 22]. Совокупность придворных церемониалов и праздников он рассматривает как единую многоактную драму, «сценарий, в котором одни и те же темы разрабатываются применительно к конкретным случаям и обстоятельствам». Такой «сценарий» обнародовался в манифестах и церемониях, с которых начиналось каждое царствование. Во время коронации императора сценарий освящался церковью и получал публичное ритуальное одобрение. Основные темы сценария разрабатывались на протяжении всего царствования во время церковных и светских праздников» [11, с. 22]. Как пишет Уортман, «пышные представления, требовавшие от русской монархии невероятных расходов и затрат времени, свидетельствуют о том, что русские монархи и их советники считали символику и образность церемоний на-сущно необходимыми для осуществления власти. Все эти представления привязывали подданных к престолу в не меньшей степени, чем те вознаграждения и доходы, которые им приносила государственная служба. Церемониальные тексты описывали события, выявляя их высшее значение, и предписывали реакцию, которую они должны были вызывать» [11, с. 22].

Исследований, написанных в подобном ключе и посвященных специально Петергофу, немного. Среди них – глава из книги Л. В. Никифоровой, но она ограничена XVIII в. [10, с. 765], и работа А. С. Лосевой, посвященная резиденциям эпохи

Николая I [8, с. 22]. Петергофу интересующей нас эпохи здесь отводится значительное место.

По Р. Уортману, главная задача «сценария» Николая I – воплощение идеального брака. Репрезентация счастливого супружества была, с одной стороны ответом на династические проблемы наследования, с другой – адаптацией в политических целях образа брака по любви, возможно, не столько реально распространенного в это время, сколько литературно идеализированного. Подчеркнуто рыцарское поведение императора по отношению к супруге, которое отмечено многочисленными мемуаристами и, вроде бы, противоречит хорошо известным любовным увлечениям Николая I, означало нечто большее, чем обычное чувство мужа к жене. Супружеская любовь была представлена как благородный акт самозабвенной преданности, как образец поведения для подданных в домашней и служебной обстановке. Николай I был первым императором, который четко разграничивал в своем «сценарии» частную жизнь семьи, в которой он выступал в роли мужа и отца, и публичную, где он был императором. Николай неоднократно подчеркивал, что он взшел на престол не по собственному желанию, а по воле брата. Исполняя долг, он принес в жертву собственный покой и семейное счастье. Эта своего рода канонизированная интерпретация восшествия на престол была хорошо известна. Николай «служил» императором со всем усердием и самоотверженностью, по отношению к супруге и детям он был нежным и любящим мужем и отцом.

Нам важно подчеркнуть новизну такого сюжета репрезентации, а также его пространственную организацию. Места «службы» и «дома» были пространственно разделены, по-разному стилистически организованы. С этой точки зрения А. С. Лосева характеризует Петергоф, который с 1832 г. становится официальной летней резиденцией Николая I [8, с. 6]. Приезжая в Петергоф, члены царской семьи размещались не в Большом дворце, а в новых маленьких постройках [8, с. 3]. Специально для Александры Федоровны Николай строит Александрию и Коттедж, уединенный семейный дом, и наглядно играет прописанный сценарий, так что идея разделения публичной и частной жизни оказывается топографически закреплена.

Семейный «сценарий», который демонстрировал Николай, исследователями трактуется по-

разному. Д. С. Лихачев, описывая парковые за-теи Александрии, называл их «любимыми раз-влечениями сентиментального деспота» и видел в них «лицемерие и сентиментальность», кото-рые «пронизывали собой весь быт чиновничьей бюрократии тогдашней России» [7, с. 33–34]. А. С. Лосева же показывает, что это целенаправ-ленное следование заданной программе – репре-зентации политической идеализации счастливого брака. Обращаясь к страницам мемуаров Алек-сандры Федоровны, А. С. Лосева обращает вни-мание не на искренность или лицемерие, но на «нарочитое выпячивание ценностей частного мира»: «В эпоху Аничкова дворца еще не было необходимости выгораживать свой частный мир или, говоря словами императрицы, отстаивать право “быть домоседкой... предпочитать хоро-ший летний вечер всем балам в мире, а задушев-ную беседу осенью у камелька – всем зимним нарядам”». Александра Федоровна вряд ли до конца искренна в своих словах, тем не менее, важно, что в этой фразе нарочито выпячиваются ценности частного мира. Декларативная, даже искусственная обособленность всего частного появляется в Коттедже» [8, с. 59].

Александрия с Коттеджем и Большой дворец в Петергофе, подобно Аничкову и Зимнему дворцам в Петербурге, представляли собой уют-ный дом (частный мир семьи) и официальную парадную резиденцию (место службы). Собст-венно, в парадное пространство Петергоф с Большим дворцом превратились еще в царство-вание Екатерины. Как пишет А. С. Лосева, Ни-колай I «отредактировал» сложившийся до него петергофский текст» [8, с. 7], то есть усилил зву-чание уже сложившейся темы и развил ее, про-тивопоставив Александрию.

Каждая императорская резиденция использо-валась, как правило, в определенное время года. Петергофу отводились летние месяцы. Камер-фурьерские журналы нам показывают, что в Пе-тергоф императорская семья приезжала в конце мая – начале июня и жила по август, иногда за-хватывая сентябрь.

Повседневная жизнь каждого члена импера-торской фамилии в летние месяцы была очень насыщена и наполнена различными поездками, встречами, приемами, смотрами парадов. Так, по камер-фурьерским журналам мы можем просле-дить, что каждое утро Николай Павлович от-правлялся из Александрии, где жил, в Большой

Петергофский дворец. Здесь он принимал с док-ладами и работал около двух часов в Дубовом кабинете Петра I. Также в его график каждое воскресное утро была включена литургии. Зачас-тую эти литургии проходили в придворной церк-ви Петра и Павла, но могли совершаться и в церкви Святого Александра Невского в Алексан-дрии. В Большом дворце «малый выход» осуще-ствлялся очень часто из Картинного зала и даль-ше по северной анфиладе дворца.

Из мемуаров и записок путешественников становится ясно, что в Большом дворце происхо-дили приемы высоких иностранных гостей и па-радные обеды. Так, полковник Гагерн, сопрово-ждавший в 1839 г. нидерландского принца Алек-сандра Оранского, описывая свое пребывание в Петергофе, отмечает, что на гофмаршальском обеде, который давали в Большом Петергофском дворце, гостей принимал гофмаршал князь Ни-колай Долгорукий без самого императора [4, с. 666].

Современники оставили немало заметок о том, насколько полна жизнь двора праздниками и увеселениями. Так, Гагерн пишет: «При рус-ском дворе праздники следуют один за другим, но редко узнаете заранее, что происходит, где, как, в какой форме быть. Все это делается из-вестным обыкновенно за час за два, и тогда по-стоянно поднимается тревога и торопливость, чтобы узнать все это в точности. В особенности на дачах места увеселений меняются постоянно, и в большинстве случаев сам государь назначает их в последний момент» [4, с. 678]. Важно заме-тить, что двор находился как бы постоянно в со-стоянии готовности, мобилизованности, что со-ставляло важный компонент придворного быта.

Реализация сценария власти Николая I как «социальной драмы» счастливого брака была в значительной мере связана именно с Петергофом и «исполнялась» в двух типах действ. Во-первых, это «большие действия», собственно церемониалы (бракосочетаний, крестин) с фиксированным регламентом проведения и составом участников или большие придворные праздники. Во-вторых, «малые действия», которые можно назвать «культурным перформансом» или «жестом». По словам Дж. Александера, «культурный перфо-манс» – это процесс, в котором актеры раскры-вают другим смысл социокультурной ситуации. При этом смысл не обязательно должен соответ-ствовать действительности, но именно ему

должны поверить другие» [12, с. 33–34]. По К. Г. Исупову, «жест» – это универсалия культуры, способ невербальной передачи информации и общения, в широком смысле – тип изобразительно-выразительного поведения, мини-поступок и элемент поступания» [6, с. 115].

Два главных и самых ярких, как их называет И. И. Несмеянова, «гражданско-личностных» праздника царской семьи отмечались в Петергофе [9, с. 167] – дни рождения Николая I (25 июля) и Александры Федоровны (1 июля). День рождения императора был довольно скромен, по сравнению с днем рождения императрицы. Так, по записям камер-фурьерского журнала за июнь 1836 г. мы можем восстановить порядок проведения дня рождения Николая. С утра был назначен развод полков, после чего император прибыл в Большой дворец в свои апартаменты. «К 11 часам на половину, бывшую покойного императора Александра I в Голубую и Малиновую комнаты, прибыли составлявшие высочайшую свиту, а также приезжие из С.-Петербурга – дамы в круглых платьях, а кавалеры в парадных мундирах и лентах военных и шарфах» [1, л. 41об-42]. Члены императорской семьи собрались в апартаментах императрицы, после чего вышли в Голубую комнату и по восточной галерее пошли в церковь на литургию. После литургии все собрались в Картинной комнате (гости поднимались по дубовой лестнице), где императрица принимала поздравления в следующем порядке: от статс-дам, фрейлин, членов Государственного Совета, генерал- и флигель-адъютантов, первых и вторых чинов двора, гвардейского корпуса, генерал-майоров [1, л. 42–42об].

Затем императорская семья отъезжала в Александрию и возвращалась к обеду, который давался в Большом зале (ныне Тронный зал), в Чесменском зале играла музыка лейб-гвардии конного полка. К вечеру все действия были перенесены в Нижний парк во дворец Монплеизир, где был назначен бал. По окончании всего праздника Николай Павлович вместе с супругой Александрой Федоровной и дочерьми вернулся в Александрию [1, л. 43, 46].

День рождения Александры Федоровны (1 июля) протекал примерно по такому же сценарию, но был масштабнее, пышнее. Церемониал включал те же ритуально-процессуальные действия, но к ним прибавлялось больше светских праздничных мероприятий. Таким образом, по-

мимо использования парадных интерьеров дворца, задействовались также помещения первого этажа. Так, в 1836 г. вечером в восточной галерее Большого дворца, а также в палатке у Корпуса под Гербом накрывались столы для тех, кто не был приглашен к Высочайшему ужину [1, л. 17].

К циклу дней рождений добавился еще один праздник, закрепивший семейный сюжет Петергофской сценографии императорского сценария власти. В 1839 г. Петергоф и Большой дворец были включены в Церемониал бракосочетания княжны Марии Николаевны с герцогом М. Лейхтенбергским как заключительный этап празднований. Были организованы маскарад и иллюминация.

В Петергофе в результате сложился целый семейный календарный сезон, который открывался днем рождения императора 25 июня, а завершался годовщиной коронационных торжеств 22 августа. «На протяжении многих десятилетий в Петропавловском храме устраивались пышные богослужения в дни семейных торжеств. День рождения императора праздновали 25 июня, императрицу Александру Федоровну поздравляли 1 июля, именины трех великих княжон – Марии, Ольги и Александры – тоже приходились на летние месяцы. 22 августа, в «день коронавания Их Императорских Величеств – Императора Николая I и Императрицы Александры Федоровны», служили благодарственные молебны в честь венценосной четы» [3, с. 117]. Дни обручения и венчания Ольги Николаевны были назначены на дни рождения Николая Павловича и Александры Федоровны. В этой календарной магии трудно разделить «надежду на такой же счастливый брак, как у родителей» [3, с. 117], и демонстрацию семейной идиллии.

Плотность календарных дат летнего сезона, с одной стороны, всего лишь стечение обстоятельств. А вот их топографическая привязка к Петергофу и превращение резиденции в двоякую (династическую, государственную и то же время частную, семейную) – результат вполне целенаправленный.

Местом проведения парадных торжеств были Большой дворец, Нижний и Верхний парки. Во время парадных приемов и праздников внутренние помещения Большого дворца использовались следующим образом. Обеды давались в Белой столовой и Тронном зале, иногда дополнительные столы накрывали в Купеческом, ныне Тан-

цевальном. Собирались и принимали гостей в Картинном зале, Китайских кабинетах. Оркестр зачастую располагался в Чесменском зале. Все торжества включали литургию в придворной церкви Петра и Павла.

Любое церемониальное шествие или «стояние» является репрезентацией придворной иерархии, репрезентация сословий, то есть всего государства. Так, во время церемонии бракосочетания великой княжны Ольги Николаевны и принца Вюртембергского «Члены Святейшего Синода и Знатное духовенство располагалось в Алтаре церкви, члены Гос. Совета, иностранные послы и министры в церкви с правой стороны, первые у крыльца, последние подле них; имеющие выход за кавалергардом в палатке у Герба и комнате перед Пикетной и Петровской залах, Зеркальной столовой и Китайских комнатах; купечество и иностранные с их супругами в Портретной; городские дамы в Штандартной, Кавалерской и Малиновой, а остальные особы дипломатического корпуса в Голубой; прочие особы с Секретарской комнате» [2, л. 79об-80]. Большой дворец и его парадные анфилады превращался в сословную карту империи.

Даже во время торжественных многолюдных (парадных, официальных) праздников императорская чета находила возможность продемонстрировать второй полюс Петергофского пространства. Император, императрица, великие князья и княжны были обязательными членами официальных приемов, но сразу после них на время удалялись в Коттедж, чтобы обедать в узком семейном кругу, возвращались во дворец через некоторое время для продолжения официальной церемонии [2, л. 86]. Известно также, что в день рождения императрицы «семейный пятичасовой чай [в Коттедже] превращался в публичное действие. Это могло быть в день рождения императрицы Александры Федоровны, когда в петергофский парк Александрию свободно запускались кадеты, которым разрешалось наблюдать сквозь окна Коттеджа за семейным чаепитием царской семьи. При этом шторы на окнах специально оставались поднятыми» [5, с. 96]. Утомленность светскими обязанностями и краткий отдых в кругу семьи выразительно подчеркивал границу между двумя мирами – службы и семьи, работы и досуга, обязанностей и истинного отдохновения.

«Большие действия» и «малые действия», совершавшиеся в Петергофской резиденции, дают возможность почувствовать биполярность этого пространства, «производят» двойной нарратив семейного сценария власти.

Библиографический список

1. Архив ГМЗ «Петергоф». Камер-фурьерский журнал, 1836 г.
2. Архив ГМЗ «Петергоф». Камер-фурьерский журнал, 1846 г.
3. Буланая, Н. Б. Церковь Большого Петергофского дворца [Текст] / Н. Б. Буланая // История Петербурга. – СПб., 2010. – Вып. 1. – 115–120 с.
4. Гагерн, Ф. Б. Дневник путешествия по России в 1839 г. [Текст] / Ф. Б. Гагерн // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев : сборник. – Л., 1991. – 661–696 с.
5. Зимин, И. В. Царская работа. XIX – начала XX века [Текст] / И. В. Зимин. – М., 2011. – 638 с.
6. Исупов, К. Г. Космос русского самосознания. Жест [Текст] / К. Г. Исупов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – СПб., 2007. – № 3. – 115–119 с.
7. Лихачев, Д. С. Литература-реальность-литература [Текст] / Д. С. Лихачев. – Л., 1984. – 271 с.
8. Лосева, А. С. Себя как в зеркале я вижу. Царские резиденции глазами заказчиков [Текст] / А. С. Лосева. – СПб., 2006. – 138 с.
9. Несмеянова, И. И. Российский императорский двор первой половины XIX века как социокультурный феномен [Текст] / И. И. Несмеянова. – Челябинск, 2007. – 362 с.
10. Никифорова, Л. В. Чертоги власти. Дворец в пространстве культуры [Текст] / Л. В. Никифорова. – СПб., 2011. – 703 с.
11. Уортман, Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии [Текст] / Р. Уортман: в 2 т. – М., 2002. – Т. 1. – 608 с.
12. Alexander, J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy [Текст] / J. C. Alexander // Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual. – London, New York, 2006. – 29–90 p.

Bibliografischeski spisok

1. Arhiv GMZ «Petershof». Kamer-fur'erski zhurnal, 1836 g.

2. Arhiv GMZ «Peterhof». Kamer-fur'erskij zhurnal, 1846 g.

3. Bulanaja, N. B. Cerkov' Bol'shogo Petergofskogo dvorca [Tekst] / N. B. Bulanaja // Istorija Peterburga. – SPb., 2010. – Vyp. 1. – 115–120 s.

4. Gagern, F. B. Dnevnik puteshestvija po Rossii v 1839 g. [Tekst] / F. B. Gagern // Rossija pervoj poloviny XIX v. glazami inostrancev : sbornik. – L., 1991. – 661–696 s.

5. Zimin, I. V. Carskaja rabota. XIX – nachala XX veka [Tekst] / I. V. Zimin. – M., 2011. – 638 s.

6. Isupov, K. G. Kosmos russkogo samosoznaniya. Zhest [Tekst] / K. G. Isupov // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). – SPb., 2007. – № 3. – 115–119 s.

7. Lihachev, D. S. Literatura-real'nost'-literatura [Tekst] / D. S. Lihachev. – L., 1984. – 271 s.

8. Loseva, A. S. Sebja kak v zerkale ja vizhu. Carskie rezidencii glazami zakazchikov [Tekst] / A. S. Loseva. – SPb., 2006. – 138 s.

9. Nesmejanova, I. I. Rossijskij imperatorskij dvor pervoj poloviny XIX veka kak sociokul'turnyj fenomen [Tekst] / I. I. Nesmejanova. – Cheljabinsk, 2007. – 362 s.

10. Nikiforova, L. V. Chertogi vlasti. Dvorec v prostranstve kul'tury [Tekst] / L. V. Nikiforova. – SPb., 2011. – 703 s.

11. Uortman, R. Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii [Tekst] / R. Uortman: v 2 t. – M., 2002. – T. 1. – 608 s.

12. Alexander, J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy [Tekst] / J. C. Alexander // Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual. – London, New York, 2006. – 29–90 p.